Социологическое осмысление сотрудничества в международных отношениях в Арктике

Репневский Виталий Андреевич
доцент кафедры отечественной истории
Северного (Арктического) Федерального Университета
г. Архангельск
E-mail: v_repnevsky@mail.ru

Современное общество является свидетелем глубоких перемен, происходящих в системе международных отношений на рубеже XX — XXI веков. Глобализация обеспечивает все большую неделимость человеческого общества, стирает границы между странами и культурную дифференциацию между народами. Растет взаимозависимость государств, что непременно ведет к необходимости укрепления сотрудничества и солидарности, к выработке новых общих принципов мировой политики, к созданию и совершенствованию совместных институтов. В то же время глобализация привела к появлению и наращиванию ряда проблем общепланетарного характера. Породились либо обострились уже существовавшие экономические, социальные, политические, экологические кризисы. Усилилась экономическая и социальная разобщенность в мире. Указанные процессы носят явно выраженный социальный характер.

В статье автор опирается на три теории в понимании развития современных международных отношений: неореализм, неолиберализм и социологический подход. Первые две теории вполне можно проанализировать параллельно, ибо они практически противопоставляются друг другу. Третий вариант особый. Он интересен тем, что как бы дополняет обе теории, примиряет их.

Сравнивать неореализм и неолиберализм есть смысл по шести пунктам. Такой способ предлагает целый ряд зарубежных специалистов, одним из которых является Powell R [1]. Во-первых, по природе и последствиям анархичности международных отношений. Неореалисты полагают, что анархия ограничивает поведение государств. Для неолибералов эти ограничения не являются непреодолимыми. Во-вторых, относительно содержания межгосударственного сотрудничества. Неореалисты в этом контексте главным видят вопросы военной безопасности, а неолибералы — взаимные экономические выгоды. В-третьих, затрагивается проблема выгод сотрудничества, абсолютных и относительных. Для неореалистов установление сотрудничества является проблемным из-за сомнения в справедливости распределения выгод. Противоположной является позиция вторых. В-четвертых, это пункт о приоритете государственных целей и причин сотрудничества. Этот пункт несколько схож со вторым. Первые выступают за приоритетное военное сотрудничество, вторые — за экономическое. В-пятых, стал вопрос о намерениях. Для неореалистов поведение государства определяется как системными принуждениями и ограничениями, так и реально существующими возможностями и способностями. Как следствие — неопределенность намерений. А, значит, при анализе государственной политики ими можно пренебречь. Неолибералы же считают, что намерения важны и их надо анализировать и принимать во внимание. В-шестых, относительно международных режимов, неореалисты полагают, что не следует преувеличивать их важность для смягчения принудительных эффектов международной системы в сотрудничестве между государствами.

Однако эти теории даже в своей дискуссии не дают исчерпывающего анализа современного межгосударственного сотрудничества. Теории не указывают на способы, имеющиеся в распоряжении государств, для достижения своих целей. Кроме того, стоит отметить, что степень

заинтересованности государств в относительных выгодах не является неизменной, а это означает, что сотрудничество и заинтересованность могут одновременно изменяться. Ну и, наконец, существование режимов хоть и делает возможной реализацию совместных выгод от международного взаимодействия, однако некоторые из способов дают большую часть одной стране и, соответственно, меньшую другой. Да и распределение выгод в соотношении с определенным существующим международным режимом может не отражать реального соотношения силы. Такая ситуация в свою очередь способна порождать конфликты.

Современный социологический подход способен в определенной мере восполнить вышеописанные теории, ответить на имеющиеся вопросы с определенного ракурса зрения. Дело заключается в том, что и сам подход подразделяется на четыре группы, которые сами по себе не столь обширны, как неореализм и неолиберализм, но в своей совокупности гармонично дополняют их.

Основателями *британской школы* (подчеркивает значимость признания международных институтов) считаются Bull H., Buzan B [2; 3]. Международное общество представляется этой школой, как общество, в котором государствам отводится основная роль. Государства превалируют, а существование международных норм это результат усилий именно государств по регуляции международной деятельности. Легитимность есть факт признания всеми (большинством) странами наличия и действия международных норм, оказывающих важное воздействие на их поведение.

В представлении анархии имеется серьезное отличие от неореалистического подхода. Здесь вводится понятие зрелой анархии, которая принципиально отличается прочностью нормативных ограничений, накладываемых на международную деятельность государств. То есть анархия видится не как отсутствие всяческой управляемости и легитимности, а как отсутствие международного правительства.

Представителями *конструктивизма* акцент делается на важности международных культурных норм [4]. Из этого проистекает утверждение, что международные нормы обладают мощным самодостаточным влиянием на государства. С их точки зрения, нормы не всегда формируются при участии государств и даже не всегда под их контролем, а, значит, должны изучаться как независимый от государства объект. При этом нормы следует связывать не с политической по своему содержанию легитимностью, а с социальными процессами, эволюционирующими в международных отношениях. Нормы неформальны, пластичны и мобильны. Следовательно, мировая политика является результатом взаимодействия и взаимопроникновения международных и национальных норм, она постоянно открыта переменам. А государства открыты для переформулирования своих идентичностей под влиянием внешней среды. Как итог, международное сотрудничество обязано рассматриваться как результат похожего социального воздействия внешней среды и связанного с ним сходства в национальных ценностях, интересах и предпочтениях государственных акторов. Суверенитет не является объективной существующей данностью. И уж тем более сложно говорить о его расширении. Он может быть характерен для определенной международной системы, но сами системы не предопределены. Доказательством тому стало окончание холодной войны и массовое, концентрированное развитие международного сотрудничества.

Последователи исторического институционализма, изучая историю формирования международных акторов, выступают оппонентами конструктивизма [5]. Для представителей данного направления сотрудничество является результатом воздействия культурных, социальных и политических факторов, но как и международных, так и внутренних. С точки зрения институционалистов именно длительная история усиляет способность международных норм структурировать и развивать у государственных акторов устойчивую национальную идентичность,

что конструктивистами не учитывается. Государства со своими давними традициями, в понимании институционализма, обладают гораздо более четким видением своей роли в мире, нежели государства в представлении конструктивистов. Исходя из этого сотрудничество между различными странами более устойчиво и долговечнее.

При этом представители этого подхода в свою очередь рассматривают и суверенитет как нечто устойчивое и неизменное, что достаточно серьезно препятствует значимому продвижению на пути к международному сотрудничеству. В качестве примера институционалисты приводят распад империй и колониальной системы, что привело к образованию множества независимых государств, стремившихся сохранить и закрепить свой суверенитет.

Французская школа социологии международных отношений изучает роль новых международных акторов в стирании границ между внутренней и внешней политикой и деформацию в ходе этого всей картины современных международных отношений [6]. Принципиально важным значением для анализа сотрудничества государств стало являться изучение сдвигов, которые происходят во взаимодействии государств и вновь появившихся акторов международных отношений. На современном этапе государство перестало быть не только единственным, но и не во всех отношениях господствующим актером международной сцены.

Представители этой школы отмечают, что активно происходит процесс автономизации деятельности транснациональных акторов — этнических, религиозных, культурных профессиональных групп. Сюда же относятся диаспоры, мафиозные кланы, отдельные личности и многое другое. В этих условиях государственный суверенитет подрывается. Появляются три самостоятельных мира — государства, государственные и социокультурные сферы. Кроме того, формируемые процессами самоидентификации (этнической, религиозной, групповой) новые участники все успешнее претендуют на собственную роль в международных отношениях, фактически дестабилизируя всю систему. Отмечается и тот факт, что сами государства подливают масло в огонь. Они усиливают дестабилизацию, заимствуя методы и средства у новых акторов. В поисках новых форм легитимности государства идут на замещение отношений гражданской солидарности рыночными отношениями, групповыми связями или транснациональной солидарностью. При этом парадокс представители французской школы социологии видят в том, что эти меры лишь способствуют разрушению главных принципов, которые составляют базу его же легитимности. А именно суверенитет, территориальность, политическое представительство. Исходя из этого, делаем вывод о том, что исключительно межгосударственного сотрудничества на современном этапе не существует, а также, что радикальное противопоставление внутренней и внешней политики и полное делегирование гражданами второй из них государству осталось в прошлом.

Начало XXI века стало новой вехой в расширении понятия Арктика. Если на протяжении столетий она являлась геополитическим и территориальным ресурсом для многих государств, то в современном мире она приняла более глобальное понятие — «Арктика — совместное будущее».

Еще со второй половины XX века арктический регион стал объектом пристального внимания многих ведущих государств. В борьбу за влияние и освоение этой области земного шара включились и сверхдержавы. Активизировались международные связи и отношения. Можно сказать, что начался этап не только изучения Арктики, но и полноценного ее освоения. В годы холодной войны отношения выстраивались особо сложно. После же распада СССР международные связи трансформировались, стали более многообразными, содержательными. Расширялось многостороннее и многоуровневое сотрудничество, появлялись новые сферы взаимодействия. И, тем не менее, сохранялась напряженность в международных отношениях. Все эти процессы

продолжаются и по сегодняшний день. В эпоху глобализации любые изменения в общей картине развития международных отношений влияют на климат международного взаимодействия в Арктике.

Развитие международных отношений в Арктическом регионе на рубеже веков целиком и полностью отражает все вышеописанные характеристики взаимодействия между государствами. Это доказывает тезис о том, что Арктика является одним из ведущих и перспективных регионов для эволюции сотрудничества в настоящем и будущем.

Список литературы

1. Powell R. Anarchy in unternational relations theory: the neorealisit-neoliberal debate // International organization. 1994. Vol. 42. No 2.
2. Bull H. Anarchical Society. N.Y., 1977.
3. Buzan B. People, States and Fear. N.Y., 1991.
4. State Sovereignty as Social Construct / Ed. by T. Bierstaker, S. Weber. Cambridge, 1996.
5. Finnemore M. National Interests in International Society. Ithaca, 1996.
6. Badie B. Le jeu triangulaire // Sociologie des nationalisms / Dir P. Birnbaum. Paris, 1997.